

— ... — Наконец, немного ошеломленный и с трудом веря, Дань Чао понял его смысл.

То, что Хэлань Миньчжи все эти годы творил беззакония, но благополучно дожид до сегодняшнего дня, объяснялось не только тем, что он был последним мужчиной в роду императрицы У по материнской линии, но и тем, что госпожа Хэлань, госпожа удела Вэй, поддерживала его перед императором. Судя по характеру этого человека, он, наверное, не раз нашептывал императору про Се Юня, а Се Юнь, боясь задеть ценное, не мог окончательно уничтожить его.

Но если... эта крыса сама лезет на верную смерть, тогда все становится гораздо проще.

Более того, семья Пэй из Хэдуна была одним из самых влиятельных сторонников Восточного дворца, и почти все знали, что старшая дочь Пэй — будущая невеста наследного принца. Если с ней что-то случится во дворце, если Восточный дворец лишится поддержки...

Холод, поднявшийся из глубины костей, пронизал все тело, отчего даже стиснутые зубы Дань Чао казались ледяными.

«Подавляющее большинство людей в этом мире готово рваться к власти и богатству» — но разве для этого стремления нужно использовать такие низкие, даже грязные средства, приносить в жертву другую наивную и невинную девочку?

Разве можно обрести такую власть и богатство со спокойной душой? Не чувствуя холода в сердце?

Дань Чао заговорил, с хрипотцой и дрожью в голосе, отчеканивая каждое слово, обращаясь к Се Юню:

— Отпусти меня.

Се Юнь не ответил и не отпустил, все его лицо словно скрылось во тьме, лишь в уголках глаз мерцал легкий холодный блеск, подобный острым граням льдинок.

Дань Чао дернул плечом, но не вырвался — рука Се Юня, казалось, закована. Он сделал еще полшага вперед, насильно высвободился из тисков той руки, прошел два шага вперед, затем обернулся, собираясь что-то сказать, но грудь его несколько раз судорожно вздымалась, и лишь горячий, едкий, горький воздух застрял в груди, который нельзя было ни проглотить, ни выдохнуть.

— Она же всего лишь маленькая девочка...

Он изо всех сил старался, чтобы его голос не выдавал слишком много разочарования, но хрипота в тоне выдавала истинные чувства.

Хотя бы одно объяснение от Се Юня, хотя бы бледную, фальшивую отговорку.

Но Се Юнь ничего не сказал, даже не пошевелился, лишь молча стоял там, словно столб.

Дань Чао наконец тяжело закрыл глаза. И снова издали донесся приглушенный звук, легкий, но словно острый крючок, глубоко вонзившийся в сердце Дань Чао и вырвавший клочок плоти, — он покачал головой, глубоко вдохнул и, не смея больше медлить, развернулся и бросился к дальнему покою для прислуги!

Позади него Се Юнь медленно протянул руку за спину, и с металлическим звоном обнажил Меч Тайэ.

* * *

Прыжок Дань Чао был стремительным, как у зайца и сокола, и в мгновение ока он оказался у двери покоя для прислуги, со всей силы пнув дверь ногой. Шуршание внутри резко прекратилось, и тут же раздался испуганный голос Хэлань Миньчжи:

— Кто здесь?!

Пэй Цзылю не выдержала и закричала, рыдая:

— Спасите, спасите!

Дань Чао широкими шагами вошел в комнату, протянул руку, схватил Хэлань Миньчжи и без лишних слов ударил кулаком в лицо!

Даже в гневе Дань Чао сдержал силу удара, иначе мог бы на месте вышибить мозги Хэлань Миньчжи из ушей. Но Хэлань Миньчжи был изнеженным сынком богатой семьи и не выдержал, на месте рухнул на пол, в глазах потемнело, в ушах зазвенело, а когда пришел в себя, почувствовал во рту вкус крови и выплюнул половину зуба.

— Кто посмел... Это ты?!

Дань Чао повернулся, поднял Пэй Цзылю и увидел, что девочка уже вся в слезах, волосы растрепались, шпильки выпали, в панике не различала людей, лишь била руками и кричала. Дань Чао мельком увидел, что на ней еще осталась нижняя одежда, и его сердце, сжавшееся от ужаса и гнева, наконец наполовину успокоилось. Он сдернул свою верхнюю одежду и укутал ее, крикнув:

— Не бойся! Не плачь, это я!

Пэй Цзылю вся дрожала, сквозь слезы с трудом разглядела пришедшего и тут же с воем бросилась к нему:

— Спаси... спаси меня, старший брат Дань, спаси!..

— Все в порядке, не бойся, — Дань Чао кое-как успокоил ее, протянул руку, чтобы поднять Пэй Цзылю и увести ее. Но напуганная до предела девочка никак не могла встать на ноги, и впопыхах Дань Чао пришлось взять ее на руки. Затем он обернулся и увидел, как Хэлань Миньчжи, с налитыми кровью глазами, поднимается с пола. В горле у него тут же вспыхнула ярость, боковым зрением он заметил на круглом столике у кровати, похоже, чайник, протянул руку, схватил его и сжал ладонью.

Какова же была сила хвата Дань Чао! Раздался хруст, и корпус чайника аккуратно раскололся в его ладони пополам. Дань Чао бросил одну половину, взял другую, зажал в руке острый скол и прямо направился к Хэлань Миньчжи.

— Что ты собираешься делать? — Хэлань Миньчжи, с трудом опираясь на стену, наконец устоял на ногах, в ярости и стыде выкрикнул:

— Разве этот Се не сказал тебе, кто я такой на самом деле?

Дань Чао ударил кулаком в лицо, кость и плоть столкнулись с ледящим душу хрустом, Хэлань Миньчжи снова отлетел от удара!

Пэй Цзылю в испуге закричала, отчаянно вырываясь. Дань Чао крепко держал девочку, успокаивая ее, и в то же время тяжело наступил ногой на живот Хэлань Миньчжи. Хотя внешне он оставался спокоен, в сердце его бушевал неукротимый гнев, не находивший выхода, готовый свести его с ума.

Он и сам не знал, откуда взялся этот гнев. Из-за плачевного вида девочки? Из-за зверского поступка Хэлань Миньчжи?

Или из-за другого, более глубокого разочарования и... переноса злобы?

— Тварь, — свысока глядя на покрасневшее лицо Хэлань Миньчжи, холодно ответил Дань Чао и с острым осколком фарфора занес руку для удара.

Удар этот на самом деле не был смертельным, он был направлен на повреждение почечных каналов и меридианов Хэлань Миньчжи — практикующий боевые искусства хорошо знаком с каналами и точками, достаточно попасть в определенную точку, и Хэлань Миньчжи превратится в импотента, больше не сможет вредить юным девушкам, что будет справедливым возмездием.

Однако Хэлань Миньчжи оказался не таким стойким, как он думал: мужчина, предававшийся плотским утехам, всегда трусоват. Увидев, что острый скол фарфора направлен на него, первой мыслью было, что это покушение на его жизнь, и он тут же закричал в голос:

— Стой! Ты не можешь меня убить! Хочешь, чтобы об этом узнали все?!

Рука Дань Чао замерла.

— Убьешь меня, и думаешь, это удастся скрыть? Не смотри, что императрица сейчас тебя ценит, потом осенняя казнь, конфискация имущества всей твоей семьи...

Дань Чао громко рассмеялся, в глазах его читалось неподдельное презрение:

— У меня нет ни отца, ни матери, нет семьи, пусть конфискуют, если хотят. В худшем случае...

В худшем случае вернусь в Великую пустыню охотиться и пасти лошадей, небо высоко, земля обширна, везде найдется место, где можно укрыться.

А что до тех несбыточных фантазий, от которых не можешь отказаться, так после сегодняшней ночи, пожалуй, пора окончательно осознать реальность.

Едкая горечь была грубо подавлена яростью, и Дань Чао надавил ногой на Хэлань Миньчжи, но тут же услышал его прерывистый, хриплый крик:

— Хо-хорошо... хорошо, ты смел! Но тебе все равно, если узнают люди, а этой девчонке, этой девчонке из семьи Пэй, тоже все равно, если узнают?!

Дань Чао замер, даже испуганные рыдания Пэй Цзылю на мгновение стихли.

— Если это не удастся скрыть, ты испортишь ее репутацию! Тогда не нужно будет, чтобы император разбирался, сама семья Пэй выдаст ей белый шелковый шнур, чтобы повеситься! В лучшем случае отправят в монастырь, хе-хе, всю жизнь перед зеленой лампадой и древним

Буддой питаться постным, посмотрим, будет ли семья Пэй из Хэдуна благодарна тебе или возненавидит и захочет прикончить?!

Глаза Пэй Цзылю, полные слез, внезапно расширились, зрачки застыли неподвижно, лицо побелело.

В тот миг Дань Чао снова вспомнил чувство, которое испытал перед обугленным женским трупом в главном зале Поместья Ковки Мечей.

От рек Цзяннани до столицы, от мира рек и озер до дворцовых залов, судьба слабых в этом мире одинакова — одинаковая бледность и бессилие, одинаковое бессилие и отчаяние.

Дань Чао посмотрел на Пэй Цзылю, губы девочки дрожали, все тело было холодным, как лед, затем она внезапно взглянула на него. Если бы ее взгляд мог материализоваться, он наверняка стал бы мокрой, умирающей рукой, отчаянно тянущейся к спасительному бревну.

— ... — Дань Чао убрал ногу с Хэлань Миньчжи и отступил на полшага назад.

Хэлань Миньчжи наконец с облегчением выдохнул, весь покрытый холодным потом, еще не нашел в себе сил подняться после изнеможения, как вдруг услышал холодные слова Дань Чао:

— Если хоть одно слово об этом станет известно...

Хэлань Миньчжи не успел отпустить насмешку, как увидел, как Дань Чао ровно поднял руку, сжал ладонь в кулак, и раздался легкий треск, похожий на хруст.

Он раскрыл ладонь, и осколок фарфора превратился в пригоршню белой пыли.

Зрачки Хэлань Миньчжи резко сузились, и он услышал мрачный голос Дань Чао:

— Таким будет твой конец.

* * *

В глубине внутренних покоев.

Тени деревьев колыхались во тьме, издавая бесчисленное шуршание, словно полчища змей скользили по ветвям.

Исправлены опечатки («Тенни» → «Тени», «Хэлань Мьчжи» → «Хэлань Миньчжи»). Прямая речь и диалоги оформлены по правилам. Цитата-мысль оставлена в кавычках как элемент текста. Добавлены разделители * * * для логических блоков.

<http://bllate.org/book/15578/1387287>